В январе 2020 года отмечается сто шестьдесят лет со дня рождения Антона Павловича Чехова (1860–1904) — замечательного русского классика, в личности которого добропорядочность, мягкость и деликатность сочетались с мужеством и силой воли.

Душевная тонкость проявлялась в чутком отношении не только к людям, но и ко всему живому, сущему. Так, например, в рассказе «Каштанка» (1887), который растрогал современников писателя и продолжает трогать сердца детей и взрослых по сей день, в обращении героя к потерявшейся собаке слышится голос самого Чехова: «Псина, ты откуда? Я тебя ушиб? О, бедная, бедная… Ну, не сердись, не сердись… Виноват. <…> Что же ты скулишь? — продолжал он, сбивая пальцем с ее спины снег. — Где твой хозяин? Должно быть, ты потерялась? <…> А ты хорошая, смешная! <…> Совсем лисица! Ну, что ж, делать нечего, пойдем со мной!»

По мере сил своих Чехов старался помочь и людям, и животным. Медик по образованию, он не оставлял врачебной практики, принимая и исцеляя тысячи больных. К самоотверженным трудам замечательного писателя и доктора присоединялись и другие благие деяния: постройка школ, сбор средств для голодающих, поездка на остров Сахалин с целью изучения и облегчения жизни ссыльных и каторжан…

«Возмужалость» и «чувство личной свободы» писатель воспитывал в себе с ранней юности. Собственный нелегкий путь вступления в жизнь на грани нищеты, когда гимназисту Антоше Чехову приходилось за гроши давать уроки купеческим детям, чтобы содержать не только себя, но и помогать родительской семье, обрисовал он впоследствии в письме к издателю А. С. Суворину седьмого января 1889 года: «Что писатели-дворяне брали у природы даром, то разночинцы покупают ценою молодости. Напишите-ка рассказ о том, как молодой человек, сын крепостного, бывший лавочник, певчий, гимназист и студент, воспитанный на чинопочитании, целовании поповских рук, поклонении чужим мыслям, благодаривший за каждый кусок хлеба, много раз сеченный, ходивший по урокам без калош, дравшийся, мучивший животных, любивший обедать у богатых родственников, лицемеривший и Богу и людям без всякой надобности, только из сознания своего ничтожества, — напишите, как этот молодой человек выдавливает из себя по каплям раба и как он, проснувшись в одно прекрасное утро, чувствует, что в его жилах течет уже не рабская кровь, а настоящая человеческая…»

Знаменательно, что ставшая широко известной чеховская установка — выдавливать *«из себя по каплям раба»* — была сформулирована в Святочные дни, и звучит она в полном соответствии с евангельской заповедью свободы во Христе, освобождения человека от рабства, греха и от ига страха смерти. В послании святого апостола Павла сказано, что Иисус послан был в мир, ***«дабы Ему, по благодати Божией, вкусить смерть за всех»*** (Евр. 2:9), ***«И избавить тех, которые от страха смерти через всю жизнь были подвержены рабству»*** (Евр. 2:15);

«Посему ты уже не раб, но сын, а если сын, то и наследник Божий чрез (Иисуса) Христа» (Гал. 4:7). Таким образом, событиями Рождества и Воскресения Христова утверждается ценность, достоинство и духовная свобода человека, который уже не является узником и рабом ни других людей, ни собственного тела, но, наоборот, — вмещает в себя все мироздание.

Брату Михаилу Антон Чехов писал: *«зачем ты величаешь особу свою «ничтожным и незаметным братишкой»? <…> Ничтожество свое сознавай, знаешь где? Перед Богом… перед умом, красотой, природой, но не перед людьми. Среди людей нужно сознавать свое достоинство. Ведь ты не мошенник, честный человек? Ну и уважай в себе честного малого и знай, что честный малый не ничтожность».*

Постоянно выступая против силы, наглости и хамства так называемых «вышестоящих», их чванства, спесивости, надменного самодовольства, Чехов не принимал и оборотной стороны медали — раболепия, пресмыкательства, самоунижения «нижестоящих». На эту тему — множество чеховских произведений, среди которых такие шедевры, как «Толстый и тонкий», «Смерть чиновника», «Хамелеон».

Художественный мир Чехова занимает особое место в русской словесности. Следуя своему принципу «краткость — сестра таланта», писатель в первый период творчества создавал настолько лаконичные произведения, что некоторые читатели и литературные критики упрекали его за крохотный объем рассказов — «меньше воробьиного носа». Это даже не рассказы в привычном жанровом отношении, а миниатюры, зарисовки, «вещицы». Однако в сжатую до пределов форму художнику слова удавалось вместить чрезвычайно емкое содержание — глубокое исследование человеческой природы, русской жизни и социальных отношений.

«Умею коротко говорить о длинных вещах» — так сам Чехов афористически характеризовал эту особенность своего оригинального писательского дарования.

Поначалу чеховские литературные «вещицы» публиковались в юмористических журналах, которые во множестве расплодились в начале 1880-х годов. Зубоскалили «Русский сатирический листок», «Развлечения» и «Зритель», порхала «Стрекоза», цокотал «Сверчок», названивал «Будильник». Все они охотно помещали на своих страницах рассказы и юморески молодого талантливого автора — медицинского студента, который для печати выдумывал себе множество забавных псевдонимов: Антоша Чехонте, Дон Антонио Чехонте, Брат моего брата, Юный старец, Дяденька, Человек без селезенки, Врач без пациентов и др.

Например, святочные выпуски журнала «Зритель» за 1883 год были почти целиком заполнены произведениями Чехова. Среди них — забавная зарисовка из мещанского быта «Мошенники поневоле», которую автор снабдил иронически-выразительным подзаголовком *«новогодняя побрехушка»*; новогодний *«психологический этюд»* «Пережитое»; *«подновогодние картинки»* «Гадальщики и гадальщицы»; святочный *«фантастический рассказ»* «Кривое зеркало»; *«юмореска»* «Ряженые». Уже одни только подзаголовки этих «вещиц» демонстрируют неистощимую жанровую изобретательность молодого автора, его стремление разнообразить привычный и, возможно, приевшийся читателю типичный святочный рассказ, выстроенный по устоявшимся канонам, в котором обычно все известно заранее.

С проницательностью опытного редактора Н. А. Лейкин, сознавая, что своим успехом у читателей его журнал «Осколки» обязан таланту Чехова, пригласил его к постоянному сотрудничеству. «Что Вам робеть? Вы писатель опытный и уже давно набили руку, — писал редактор «Осколков» двадцатитрехлетнему Чехову. — У Вас литературное чутье».

В миниатюрных зарисовках, призванных, на первый взгляд, всего лишь развлечь и позабавить читателей юмористических журналов, Чехов изобличает черты социального зла, неправедно устроенного общества, искаженной грехом человеческой природы, всеобщую продажность, ложь, позерство, лицемерие: «Все старо, все надоело и ждать нечего <...> Канальи останутся канальями, барышники останутся барышниками. Кто брал взятки, тот и в этом году не будет против благодарности...»

Чеховский художественный мир — при всей его кажущейся бытовой обыденности — ироничный и парадоксальный, полный «сюрпризов и внезапностей», непредвиденных метаморфоз, маскированных «ряженых» персонажей.

Таковы «Задачи сумасшедшего математика», «Козел или негодяй?», «Женщина без предрассудков», «Злоумышленник», «Пересолил», «Канитель», «Дочь Альбиона», «Беседа пьяного с трезвым чертом», «В бане», «Шило в мешке», «Ночь перед судом», «Жалобная книга», «Свадьба с генералом», «Жизнь в вопросах и восклицаниях» и множество других рассказов, в которых проступает неистощимая на курьезы и парадоксы русская жизнь.

Стихия чеховского смеха, как и у Гоголя, вбирает в себя не только веселую шутку, но и сатиру, сарказм, гротеск. По-гоголевски *«невидимые миру слезы»* Антон Павлович Чехов проливает в сердце своем, борясь со всякой пошлостью, рисуя «всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавших нашу жизнь»:

«Жизнь — канитель <…> Пустое, бесцветное прозябание… мираж… Дни идут за днями, годы за годами, а ты все такая же скотина, как и был… Пройдут еще годы, а ты останешься все тем же Иваном Ивановичем, выпивающим, закусывающим, спящим… В конце концов закопают тебя, болвана, в могилу, поедят на твой счет поминальных блинов и скажут: хороший был человек, но жалко, подлец, мало денег оставил!..»

В «тине мелочей», болотной жиже неприглядно-пустого и пошлого прозябания барахтается и вязнет, захлебывается и тонет человек, пока не опомнится и не обратится с молитвой о спасении к Богу: ***«Спаси меня, Боже; ибо воды дошли до души моей. Я погряз в глубоком болоте и не на чем стать. <…> Извлеки меня из тины, чтобы не погрязнуть мне»*** (Пс. 68:2–3, 15).

И все же, несмотря на страдание от несовершенства неправедно устроенной жизни, Чехов, испытывая острую тоску по идеалу, сохранил поэтическое ощущение русской зимней сказочности праздника Рождества Христова. «Поздравляю Вас с Рождеством, — обращался он в письме к Д. В. Григоровичу в 1888 году. — Поэтический праздник. Жаль только, что на Руси народ беден и голоден, а то бы этот праздник с его снегом, белыми деревьями и морозом был бы <…> самым красивым временем года. Это время, когда кажется, что сам Бог ездит на санях».

Чеховская поэтика смыкается с творческими установками Николая Семеновича Лескова (1831–1895) — одного из христианнейших русских писателей. Для Чехова Лесков — *«любимый писака», «Человечина, стоящий внимания».* В свою очередь маститый писатель также отметил и высоко оценил литературное дарование своего младшего современника.

В письмах Лесков неоднократно упоминал о чеховском таланте: «Талантлив Чехов очень», «рассказ Чехова превосходен». Точно библейский пророк, зрелый художник обратился со своеобразным благословением к молодому Антону Чехо-

ву, провидчески угадав в начинающем писателе большой талант: «Помазую тебя елеем, как Самуил помазал Давида… Пиши».

Лесковский рождественский рассказ «Запечатленный Ангел» (1873) был книгой для семейного чтения в доме Чеховых. Седьмого марта 1884 года Чехов сообщал Лейкину: «Отец читает вслух матери “Запечатленного Ангела”». Таким образом, у Чехова на слуху был лесковский «Ангел», и его духовно-эстетическое воздействие, художественная манера нашли отражение в чеховском творчестве — в создании пасхального рассказа «Святою ночью» (1886). Как шедевр Лескова снискал всеобщее признание: «нравился и царю, и пономарю», — так и чеховское творение принесло автору заслуженную награду: рассказ был приведен в материалах о награждении Чехова академической Пушкинской премией.

Основная тема лесковского рассказа — отношение к русской иконе и иконописанию. «Запечатленный Ангел» — уникальное литературное творение, в котором главным действующим лицом стала икона. А в рассказе Чехова воплотилось чудо церковной поэзии, святого православного слова. Чеховский герой иеродиакон Николай — простой монах, который «нигде не обучался и даже видимости наружной не имел», — обладает Божественным даром создавать изумительные по красоте акафисты.

Но Чехов с душевной болью отмечает, что даже в монастыре «некому вникать» во вдохновенные слова канонов, нет подлинного благообразия: «народ все хороший, добрый, благочестивый, но… Ни в ком нет мягкости, деликатности». И кроткий поэтичный человек — безвестный творец акафистов — остается непонятым, ненужным даже среди монастырской братии. Он умирает под Пасху, и, согласно традиционному житийному представлению, это смерть праведника, открывающая двери в Царствие Небесное.

Также под праздник Светлого Христова Воскресения заканчивает свой земной путь герой другого пасхального рассказа Чехова — «Архиерей» (1902). Представитель высшего церковного духовенства, нареченный в монашестве Петром, при крещении в младенчестве получил имя Павел. Так в имени и судьбе героя соединяются имена новозаветных апостолов Петра и Павла, вводятся мотивы апостольского служения, подвижничества, мученичества.

Со второй половины 1880-х годов Чехов перестал считать свое писательство «игрой в литературу». На смену пестрому калейдоскопу остроумных сценок, юморесок, пародий, сатирических «мелочишек» пришли подписанные уже собственным именем автора вдумчиво-серьезные рассказы, новеллы и повести, с их проникновенным лиризмом, тихой — вполголоса — интонацией, психологической углубленностью, особенной поэтикой уводящих в подтекст символико-лейтмотивных деталей, внутреннего плана — «подводного течения». В кругу этих шедевров «Степь», «Пари», «Дуэль», «Попрыгунья», «Палата № 6», «Учитель словесности», «Черный монах», «Анна на шее», «Дом с мезонином», «Моя жизнь», «Ионыч», «Душечка», «Дама с собачкой», «Невеста».

Многие чеховские повести и рассказы экранизированы. Любимы зрителем художественные фильмы «Анна на шее» и «Анюта» (фильм-балет), «Володя большой и Володя маленький», «Дама с собачкой» и «Очи черные» (по мотивам «Дамы с собачкой»), «Мой ласковый и нежный зверь» (по мотивам «Драмы на охоте»), «Неоконченная пьеса для механического пианино» (по пьесе «Платонов») и др. Чеховские пьесы «Чайка», «Дядя Ваня», «Три сестры», «Вишневый сад» постоянно ставятся в театрах по всему миру.

Андре Моруа приоткрыл секрет неизменного интереса к творчеству и личности Чехова: *«Он был великим, быть может, одним из величайших художников всех времен и всех народов. Им восхищался Толстой. Музыкальной тонкостью чувств*

он напоминал Шопена. Это был не просто художник, это был человек, который открыл для себя и без всякого догматизма предложил людям особый образ жизни и мышления, героический, но чуждый фразерства, помогающий сохранить надежду даже на грани отчаяния».

Действительно, отчаянию нет места в чеховском творчестве, несмотря на то что основной его мотив — томление духа, души, очнувшейся и ужаснувшейся от сознания своего одиночества, прозеванной жизни, бесплодного ожидания счастья. Настоящее показано в свете минувшего и в духовной перспективе предстоящего, православного чаяния *«жизни будущего века»*. Именно эта философия времени, определяющая христианский смысл русской классической литературы, представлена в чеховском пасхальном рассказе «Студент» (1894).

Убедившись на живом примере, что новозаветные события имеют непосредственную связь с настоящим, герой рассказа Иван Великопольский — студент духовной академии — испытал небывалую, захватившую дух радость: «…и он даже остановился на минуту, чтобы перевести дух. «Прошлое, — думал он, — связано с настоящим непрерывною цепью событий, вытекавших одно из другого». И ему казалось, что он только что видел оба конца этой цепи: дотронулся до одного конца, как дрогнул другой».

Христианские идеалы свободы, правды, красоты ведут к ликующей пасхальной радости, приветной молитвенной вести о Светлом Христовом Воскресении, о торжествующей победе вечной жизни с ее высоким таинственным смыслом:

«Правда и Красота, направлявшие человеческую жизнь там, в саду и во дворе первосвященника, продолжались непрерывно до сего дня и, по-видимому, всегда составляли главное в человеческой жизни и вообще на земле; и чувство молодости, здоровья, силы <…> невыразимо сладкое ожидание счастья, неведомого, таинственного счастья, овладевали им мало-помалу, и жизнь казалась ему восхитительной, чудесной и полной высокого смысла».

Чеховские произведения благодаря открытым финалам продолжают жить, дышать, зовут к новым высотам, духовно-душевному преображению. Отсвет вечности сияет в лирических признаниях писем и произведений писателя: *«Надо веровать в Бога, а если веры нет, то не занимать ее место шумихой, а искать, искать одиноко, один на один со своею совестью»; «Глядя на весну, мне ужасно хочется, чтобы на том свете был рай»; «Мне страшно хочется жить, хочется, чтобы наша жизнь была свята, высока и торжественна, как свод небесный»; «И как ни велико зло, все же ночь тиха и прекрасна, и все же в Божьем мире правда есть и будет, такая же тихая и прекрасная, и все на земле только ждет, чтобы слиться с правдой».*

Размышления о правде и красоте Божьего мира гармонируют с сокровенным чеховским убеждением, воплотившимся в крылатом афоризме о том, что и *«в человеке все должно быть прекрасно»*. А для этого нужно непрестанное продление едва начатой людьми «работы, которая будет продолжаться, может быть, еще десятки тысяч лет, для того чтобы хотя в далеком будущем человечество познало истину настоящего Бога...»